1 шк.
3 пол.
изд Элпидина

„Пров 49

QU'EST-CE QUE LA VRAIE RELIGION

ЧТО ТАКОЕ ИСТИННАЯ РЕЛИГІЯ?

А. Д. ДЕВИСЪ

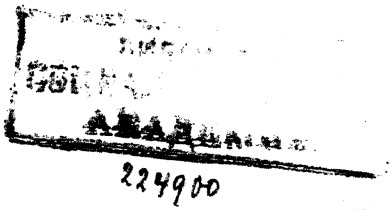
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. АФАНАСЬЕВА

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
3, Rue des Alpes, 3

„Пров 38“ 85

„Пров 49“ 46



НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ВИДѢ ПРЕДИСЛОВІЯ

Произведеніе ума человѣческаго, можетъ быть тогда благодѣтельно и оказать дѣйствительную услугу читателю, когда оно содержитъ въ себѣ данныя, способныя быть приложенными къ жизни. Что прогрессъ есть законъ природы, это между прочимъ видно изъ того, что свобода мысли и слова, какъ неотъемлемое право человѣка, признана въ настоящее время образованнѣйшими слоями общества, и болѣе или менѣе введена практически, т. е. на дѣлѣ, въ напросвѣщеннѣйшихъ странахъ и благоустроенныхъ государствахъ. Въ исторіи человѣчества встрѣчаются событія, въ извѣстные промежутки времени, которыя выходятъ изъ ряду обыкновенныхъ; выдѣляются изъ нихъ, и выдаются на столько, что служатъ какъ бы поверстными столбами по пути развитія. Такое выдающееся событіе произвело появленіе такъ называемой «гармонической философіи», получившей въ настоящее время столь важное значеніе, что новое міро-созерцаніе или умозрѣніе сдѣлалось духовнымъ достояніемъ всѣхъ, въ умственномъ и соціальномъ отношеніи, сколько нибудь цивилизованныхъ, или въ культурномъ отношеніи передовыхъ народовъ. И есть несомнѣнное основаніе предполагать, что исправленный образъ или способъ мышленія переживетъ всѣ догмы, теоріи и исключительно односторонніе мнѣнія и научныя гипотезы. Какъ все, что современно и заслуживаетъ вниманія, спрашивается, требуется, желается, то переводчикъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность съ цѣлію распространенія полезнаго, благаго—свѣта истины, принять на себя трудъ доставить русскому читателю возможность читать Девиса на своемъ родномъ языкѣ.

Подъ выраженіемъ, гармоническая философія, слѣдуетъ разумѣть, изображеніе истины, для удобнаго ея уразумѣнія и примѣненія на дѣлѣ, съ цѣлью достиженія единства интересовъ между людьми, и введенія лучшаго порядка вещей, чѣмъ онъ до сей поры былъ и который къ сожалѣнію еще существуетъ. Это выраженіе можетъ быть тоже примѣнено ко всякому правильному, законному произведенію разума и непосредственнаго взгляда на вещи вообще, или въ частности на предметъ, который долженъ быть разобранъ, для цѣли возможнаго приложенія къ жизни найденнаго результата, чтобы доставить счастіе себѣ и пользу и счастіе своимъ ближнимъ и отечеству.

Предположено для перваго разу выпускать въ свѣтъ темы, смотря по обстоятельствамъ сколько возможно отвѣчающія на вопіющія требованія эпохи и принимая въ соображеніе духъ русскаго и положеніе его отечества. Въ послѣдствіи эти краткіе выпуски будутъ собраны въ книжки и порядокъ, долженствующій образовать полныя сочиненія, какъ они заключаются въ оригинальныхъ произведеніяхъ. Слѣдующій выпускъ будетъ содержать въ себѣ статью: «Кто такой истинный реформаторъ?» Разсужденіе о такомъ столь важномъ вопросѣ намъ показалось какъ нельзя болѣе соотвѣтственнымъ и современнымъ. Всякій русскій, любящій свое отечество согласится въ существованіи настоятельности преобразованій въ его отечествѣ и потому ему не безъинтересно будетъ узнать что нибудь положительное и основательное на счетъ этого. Съ искреннимъ желаніемъ удовлетворить благонамѣреннаго читателя вполнѣ, мы его предварили о содержаніи слѣдующаго выпуска и приступаемъ теперь къ передачѣ въ настоящемъ выпускѣ разбора вопроса: Какая религія истинна?

Переводчикъ.

ЧТО ТАКОЕ ИСТИННАЯ РЕЛИГІЯ?

Движимые глубокимъ убѣжденіемъ долга, теологическіе архитекторы соорудили изъ соединенія хорошихъ матеріаловъ съ дурными чудовищный лабиринтъ ученій и теперь такъ уже удалились отъ простой истины, что повидимому безвозвратно потеряли ее, заблудившись въ таинственныхъ извилинахъ запутанной непзмѣримости своего лабиринта. Столѣтія тому назадъ на самомъ исходѣ эпохи обоготворенія, когда отцы, родоначальники, короли и другіе начальствующіе возбуждали уваженіе и страхъ въ низшихъ, сознательно поддерживалось и распространялось мнѣніе, что патріархи обладали сверхъестественными дарами и были уполномочены великимъ Іеговой представлять ему просьбы людей и получать отъ него резолюціи.

Для того, чтобы сохранить и упрочить непрерывное общеніе съ божествомъ, были воздвигнуты пирамиды, которыя воплощали бы святость катакомбъ, монументовъ и ковчеговъ. Безпрестанныхъ работъ многихъ поколѣній стоило окончаніе ихъ. Преданность, благочестивое смиреніе, твердое убѣжденіе долга, чистота побужденій, которыя характеризовали каждую личность и побуждали и одушевляли работать для выполненія священной цѣли, не имѣли нигдѣ болѣе себѣ подобія. Употребленныхъ матеріаловъ было бы достаточно для постройки прекраснаго города; сумма совершеннаго труда, если бы онъ былъ какъ слѣдуетъ организованъ и примѣненъ, превратила бы пустыню въ садъ, а масса употребленнаго на то богатства могла бы обогатить цѣлый народъ, облегчить нужды тысячъ и ихъ сердца обрадовать.

Въ теченіи послѣдовательнаго ряда столѣтій послѣ ихъ окончанія пирамиды были священными монастырями, посвященными исключительному пользованію боготворимыхъ священниковъ и обожаемыхъ патріарховъ. И такъ какъ вездѣ господствовала вѣра, что эти мужи почерпали неисчислимыя познанія изъ таинственныхъ источниковъ, то несвѣдущій индивидуумъ добровольно подчинялъ себя церемоніямъ, мрачнымъ затворничествамъ и кровавымъ казнямъ.

Но время шло впередъ и сцена измѣнилась. Сбереженный по преданію опытъ вѣковъ доказалъ безполезность и недѣйствительностъ этихъ долго царившихъ убѣжденій. И вотъ массы, ободренныя близкимъ знакомствомъ съ духовнымъ саномъ, и уже переставшія смущаться и благоговѣть передъ неосновательными притязаніями духовенства, стали теперь сами допрашивать тѣ источники религіознаго просвѣщенія, въ которые такъ долго вѣрили. Но ни одного голоса не услышали они отъ нихъ. Священныя таинственности были разслѣдованы, но ничего кромѣ безжизненныхъ, набальзамированныхъ и погребенныхъ тѣлъ да меланхолической пустоты не увидѣли изслѣдователи истины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ предполагалось, ее единственно и найти можно было бы. И теперь пирамиды, стоятъ тутъ въ заброшенномъ величіи, необитаемыя ни священниками, ни пророками, безполезныя, годныя только для того, чтобы внушать удивленіе образованнымъ изслѣдователямъ древности, которые ищутъ въ нихъ поученій въ восточной архитектурѣ и пищи для своего разгороченнаго воображенія.

При всемъ томъ, однако-жъ, египетскія пирамиды не лишены совершенно внутренняго значенія. Будучи нѣкогда усыпальницами пророчествъ «солнечнаго града», онѣ служатъ нынѣ доказательствами тому, что заблужденіе существенно смертно и само себя разрушаетъ. Онѣ изображаютъ коротко исторію сверхъестественныхъ пирамидъ, которыя составлены изъ мифологіи и теологіи и получили свое послѣднее добавленіе и достигли наибольшей высоты, когда XIX-ое столѣтіе начало разсвѣтать. Въ нихъ высказалось и то страшное пророчество, которое вполнѣ осуществится, когда опустѣютъ всѣ издревле утвержденныя теологическія зданія, которыхъ угловатое строеніе ранитъ чувство каждаго

го гармоническаго, въ должномъ равновѣсіи находящагося духа.

Чтобы нынѣшніе обитатели ихъ священники добровольно разстались съ ними, этого нельзя ожидать, такъ какъ они имѣютъ наслѣдственное право занимать ихъ таинственные покои; но что народъ будетъ нуждаться въ духовномъ свѣтѣ и знаніи, котораго онъ не имѣетъ и что онъ молчаливо отступится отъ безотрадныхъ системъ и покинетъ ихъ, это такъ вѣрно, какъ не можетъ быть уже больше. И какъ старыя египетскія пирамиды не имѣютъ уже вовсе мѣста въ святыхъ наклонностяхъ нынѣшняго вѣка и служатъ только предметомъ его удивленія, такъ и новыя системы теологіи потеряютъ вліяніе на духъ людей и будутъ только извѣстны какъ монументы, возвѣщающіе смерть и погребеніе несовершенныхъ формъ мысли для интеллигентнаго изслѣдователя будущихъ поколѣній.

Существуетъ также много неразрѣшенныхъ вопросовъ, на счетъ принципа правосудія и природы человѣческой отвѣтственности. Предложите ихъ духовенству, почитаемому большинствомъ христіанъ за духовнаго руководителя, а не заблуждающагося учителя мудрости, и весь составъ его будетъ потрясенъ длиннымъ рядомъ преній, имѣющихъ крайне запутанный и невыносимо безполезный характеръ. Оттого казалось бы неблагоразумнымъ искать поученій тамъ, гдѣ ихъ столь же мало находится, какъ и въ пирамидахъ. И оно тоже не похвально было бы запутанными вопросами умножать умирающія борьбы и терзающія пытки, такъ явственно потрясающія организацію сверхъестественнаго вѣрованія. Такъ какъ, однакожъ, уму, благожеланію и разсудку прилично ставить вопросы, въ которыхъ однихъ найти можно существенное и прочное удовлетвореніе, то мы и считаемъ себя въ правѣ, открывъ наше разумѣніе вліянію добра и истины, постановить вопросъ: что есть религія?

Въ структурѣ матеріальнаго универзума открывается распредѣленіе гармоническихъ отношеній въ невыразимо совершеннѣйшемъ и прекраснѣйшемъ порядкѣ и цѣлостности. Каждая частица самой отдаленной области обширнаго царства видимаго творенія въ своемъ положеніи, разстояніи, плотности и движеніи запечатлѣна гармоніей, которая ка-

жется наблюдательному духу прекрасной и успокоительной. Кромѣ взаимосторонних родственностей, существующихъ между всѣми атомами въ бытіи, господствуетъ равновѣсіе силъ надо всѣми мірами и приводитъ ихъ въ движеніе. Эти силы исполняютъ свое назначеніе, изумительными вращеніями двигая всѣ солнца и планеты вокругъ центральнаго ядра всѣхъ существованій. Здѣсь преподаются п е р в ы е намеки истинной религіи.

Однако, между тѣмъ какъ мы все болѣе сами къ себѣ приближаемся, нельзя пройти, чтобы не замѣтить прекрасныя химическія сродства и религію индивидуальныхъ сочетаній, служащихъ къ тому, чтобы образовать и украсить нашу настоящую осѣдлость. Всеобобщающій духъ будетъ невольно туда привлеченъ, чтобы любоваться на дружбу частицъ въ химическихъ сочетаніяхъ, на ихъ нѣжнѣйшія склонности разлучаться и соединяться между собой, смотря по существующимъ обстоятельствамъ и сродствамъ. И этотъ постоянный обмѣнъ или обоюдное взаимодѣйствіе матеріи и жизни цвѣтущей растительности нашей земли, вмѣстѣ съ неизмѣннымъ правосудіемъ, которое раскрывается между всѣми восходящими формами, отъ простѣйшаго зародыша до человѣка, тоже убѣдительно возвѣщаютъ намъ истинную религію. И въ человѣкѣ самомъ соединены эти принципы равенства и аттрибуты распредѣляющаго правосудія, которое дѣлаетъ его существомъ несравненнаго совершенства и красоты.

Человѣкъ способенъ ранѣе, чѣмъ всѣ созданныя формы къ правильному обнятію и признанію достоинствъ гармоніи; потому что въ человѣческомъ духѣ соединены наилучшія ощущенія, свидѣтельствующія о немъ какъ о представителѣ универсальнаго творчества; болѣе того, на самомъ дѣлѣ доказывающія, что онъ есть универзумъ въ маломъ. Въ духовномъ сердцѣ человѣка насаждена постоянная наклонность къ индивидуальной гармоніи и блаженному созерцанію, почему всѣ его внѣшнія родственности опредѣлены и возвышенныя наклонности направлены къ созерцанію безконечной любви и вѣчно пребывающей справедливости.

Именно религіозное чувство и есть то, что дѣлаетъ духъ способнымъ правильно замѣчать и вдоволь наслаждаться

изысканнѣйшей гармоніей, существующей между запахами, звуками и красками и вмѣстѣ съ тѣмъ любоваться ихъ удивительнымъ соподчиненіемъ и соразмѣрностью въ порядкѣ природы и познавать ихъ приспособленія къ человѣческимъ нуждамъ. Оно есть тотъ восходящій и обожаемый элементъ, который дѣлаетъ духъ способнымъ сказать съ сознательной увѣренностью въ убѣжденіи, что тотъ же самый принципъ, который соединяетъ между собою два атома и производитъ вездѣ въ физическомъ мірѣ правильныя отношенія, образуетъ религію души.

Религія учитъ человѣка различать и судить между правдой и неправдой, искать блаженства. Она учитъ его любить величественную гору, цвѣтами усѣянную долину, волнующійся лѣсъ и душистый лугъ. Религія въ ея дальнѣйшемъ, широчайшемъ смыслѣ, есть принципъ правосудія, который направляетъ къ гармоническому однозвучію міръ матеріи и міръ духа. Она есть моральная и справедливая родственность, которая существуетъ универсально между всѣми людьми, духами, ангелами, мірами и божествомъ. Словомъ она есть универсальное правосудіе.

Религія поэтому есть интегральный существенно восполняющій элементъ, который отъ вѣка основанъ въ человѣческомъ духѣ, и на равнѣ съ другими соприсутствующими способностями или элементами она развивается въ разнообразіи проявленій, смотря по благопріятности или неблагопріятности обстоятельствъ, которыя окружаютъ духъ и на него вліяютъ. Большое различіе религіозныхъ учрежденій, многочисленные ритуалы, церемоніи и налагаемыя ими обязанности доказываютъ, что религіозное чувство имѣло и еще теперь имѣетъ неправильное развитіе.

Можетъ быть спросятъ: каково было ПЕРВОЕ неправильное развитіе религіознаго чувства?

На это я напечатлѣнъ отвѣтить, что первые обитатели нашей земли, которые разсуждали только по ощущеніямъ и не имѣли никакихъ принциповъ систематическаго изложенія, вѣрили, что сотвореніе нашей земли было будто бы фантастическимъ произведеніемъ какихъ то незримыхъ естествъ, которыя по свойству своихъ чувствъ были очень прихотливы и мстительны. Буря, землетрясеніе, огнедышащая гора по-

давали поводъ къ страшнымъ опасеніямъ. И такъ какъ люди ощущали чувство внутренней отвѣтственности религіознаго долга передъ неизвѣстной и всемогущей силой, то они воздвигли систему матеріальнаго богопочитанія и облегчали свои чувства признаніемъ своей зависимости отъ безжизненныхъ изображеній и обѣщаніемъ законнаго повиновенія имъ. Алтари были воздвигнуты и никакая жертва не щадилась, если она предполагалась пріятной божествамъ. И ложное направленіе всюду распространялось. Прельщенная лукавыми увѣреніями права мать съ ребенкомъ предавала себя пожирающему пламени, чтобы насытить элизіумъ благоуханіемъ и умилостивить боговъ кадильнымъ фиміамомъ своей жертвы. Предпринимались частыя возмущенія и войны и такъ какъ каждый считалъ себя за орудіе выполненія божескихъ намѣреній, то бросался на поле битвы съ неподражаемымъ энтузіазмомъ. Такія обнаруженія, какъ эти, равно какъ бросаніе невинныхъ дѣтей въ Гангъ, раздавливаніе отцовъ колесницей боговъ, растаптываньe братьевъ людьми и конями и звѣрское подчиненіе женщинъ были доказательствами ложнаго религіознаго направленія исторіи и дорого купленный опытъ народовъ оправдываетъ выводъ, что въ варварскомъ періодѣ первая всеобщая форма религіознаго ложнаго направленія была суевѣріе.

Какое было ВТОРОЕ ложное направленіе религіознаго чувства?

Такъ какъ нравы постоянно измѣнялись съ теченіемъ времени и различіемъ обстоятельствъ и вслѣдствіе того стали развиваться новые образы мысли и выраженія, то все это производило могущественное вліяніе на систему чувственнаго богопочитанія. Послѣдовавшія одно за другимъ измѣненія этой формы богопочитанія въ развитіи ея и переходѣ къ другимъ организаціямъ были почти безчисленны. Послѣ того какъ опыты вѣковъ доказали, что долго почитаемые предметы и изображенія были недостойны обожанія, неудовлетворенное чувство возсіяло по другому направленію, что было вполнѣ необходимо и законно. Главы и властители, отцы и пророки стали теперь предметами особеннаго почитанія и вознесены на крайнюю точку возможной высоты въ уваженіи человѣка. Храмы богопочитанія созидались и блес-

тяще украшались и совершеніе религіозныхъ церемоній становилось мнимо священной обязанностью и общимъ обыкновеніемъ. Манифестаціи чувства преданности, дошедшія до идолопоклонства, стали часто оказываться отцамъ семействъ. По истинѣ всякій дѣйствительный и мнимо воображаемый долгъ былъ признанъ и въ самомъ незначительномъ даже проступкѣ исповѣдывались, умиленно вымаливая прощеніе, пока убожество и религіозное рабство не сдѣлались почти всеобщими. Отцы и храмы были посредниками между богомъ и его народомъ и всякій возможный авторитетъ былъ признанъ находящимся въ ихъ обладаніи.

Духовное рабство, добровольное подчиненіе существующимъ установленіямъ и авторитеты священниковъ были законнымъ и неминуемымъ послѣдствіемъ. Люди серьезно вѣрили въ своемъ невѣдѣніи, что духъ Іеговы былъ воплощенъ и олицетворенъ въ священникахъ и храмѣ. Каждое проклятіе и всякое благословеніе, каждое обвиненіе и прощеніе было поэтому объявляемо отъ имени господа. Тщеславные вожди, соревнующіе своимъ современникамъ, вознесенные надъ низшими, какъ равные богамъ владыки, образовали безчисленныя арміи и давались битвы, и одерживались побѣды, съ цѣлью приведенія въ исполненіе воли Іеговы на землѣ. Оттого самозаточеніе въ темницахъ законоученій, внѣшняя обрядность, церемоніи и войны стали общимъ выраженіемъ религіи, и на нихъ начали смотрѣть какъ на существенныя условія будущаго блаженства и весьма пріятное для господа дѣло, такъ какъ всѣ эти дѣла дѣлались во имя его и съ его несомнѣннаго соизволенія. Все это, будучи засвидѣтельствовано церковными лѣтописями, не можетъ насъ привести къ другому заключенію, какъ къ тому, что патріархальная форма религіи была фанатизмъ.

Въ чемъ заключается ТРЕТЬЕ ложное направленіе религіознаго чувства?

Худо направленное религіозное чувство и его развѣтвленія въ исторической ткани прошедшихъ вѣковъ сдѣлались, наконецъ, до того стѣснительными и несообразными, что сильнѣйшіе и философскіе умы, въ то время какъ другіе дали себя опутать, выбились изъ сѣти и встали въ положеніе антагонизма противъ всѣхъ по преданію перешед-

шихъ мнѣній. За тѣмъ, какъ цѣпь была такимъ образомъ порвана, бросились и другіе одинаково настроенные духи совсѣмъ неподготовленными на поле духовной и религіозной свободы. Такъ какъ они, подобно ихъ предкамъ, всю свою жизнь находились въ неволѣ, а теперь эманципировались въ сферѣ мысли, которая имъ до того была неизвѣстна вовсе, то они употребили свое время и дарованія не для созиданія болѣе славной системы вѣры, а для нападенія и разворенія старыхъ зданій. По причинѣ своего поверхностнаго сужденія эти духи впитали въ себя вѣру, что всѣ религіозныя проявленія и всѣ священныя правила, учрежденія и церемоніи родились въ плодоносныхъ нѣдрахъ воображенія, и изъ него были развиты. И такъ какъ эти люди отрѣшились отъ всякаго общенія съ авторитетами и обязательствами, столь уважаемыми послѣдователями устарѣвшей теологіи, утратили всякую симпатію къ нимъ и не обращали никакого вниманія на предписанія и обязанности, выполненіе которыхъ считалось существенно необходимымъ для счастія въ настоящей и будущей жизни, то духовенство озлобилось противъ нихъ, а они озлобились противъ духовенства. Эта діаметральная противоположность разрѣшилась наконецъ, въ мнимую обязанность, благодаря которой было устроено уравновѣшивающее коромысло для того, чтобы съ помощью его философскаго вѣса суевѣрная машина, созданная учеными и неученными богословскими механиками прошлыхъ вѣковъ, могла двигаться съ меньшей неправильностью. Между тѣмъ какъ смыслъ долга былъ до того извращенъ, прекрасныя истины безсмертія и великой центральной причины совсѣмъ почти исчезли изъ человѣческаго духа. Оттого третья форма неправильнаго развитія религіознаго чувства есть с к е п т и ц и з м ъ, (невѣріе).

Все это, какъ мнѣ кажется, достаточно ясно обнаруживаетъ, что неправильное развитіе чувства правосудія было въ періодѣ варварства — суевѣріе, въ патріархальной эпохѣ — фанатизмъ, а въ гражданскомъ періодѣ—скептетизмъ. И какъ въ семьѣ и старый и молодой, родители и дѣти живутъ вмѣстѣ, такъ и въ каждомъ городѣ, странѣ и области нашего вѣка можетъ быть открыто совмѣстное существованіе всѣхъ этихъ трехъ формъ роста религіи. Нѣтъ вовсе на-

добности допрашивать исторію, чтобы удостовѣриться въ истинности этого утвержденія; стоитъ только удалиться на нѣсколько миль внутрь любого изъ нашихъ главныхъ штатовъ, чтобы собрать множество убѣдительныхъ примѣровъ. Болѣзнь существуетъ повсюду и она заразительна; но она видоизмѣненна въ симптомахъ и наружности, смотря по разнообразію темпераментовъ и обстоятельствъ человѣка и общества. Какъ суевѣріе есть лихорадка, которая, постепенно усиливаясь, переходитъ въ пароксизмъ фанатизма, такъ скептецизмъ есть ничто иное, какъ таже лихорадка въ еще болѣе усиленномъ состояніи, дошедшая до степени озноба.

Существуютъ ли и доселѣ варварскія и патріархальныя формы религіознаго царства?

Да, но съ извѣстными видоизмѣненіями. У насъ нѣтъ уже, какъ у варваровъ, бога коварства, но за то есть богъ чудесъ; мы уже не боимся пламени вулкана, но за то еще болѣе трепещемъ передъ неугасимой геенной; у насъ нѣтъ безмолвныхъ истукановъ, за то есть боготворимыя книжки; мы не имѣемъ алтарей; чтобы приносить на нихъ въ жертву наше физическое и плотское бытіе; но мы имѣемъ алтари, на которыя приносимъ въ жертву и распинаемъ нашъ разсудокъ. Раздавливаніе человѣческихъ тѣлъ тяжелой колесницей боговъ вышло изъ употребленія, однако наши души бываютъ часто раздавливаемы предразсудками; мы не топчемъ, какъ варвары, людей лошадьми, но мы топчемъ ихъ по всѣмъ формамъ съ помощью догматическаго богословія.

Въ воспоминаніи каждаго духа вписаны набдюденія, которыя болѣе или менѣе подтверждаютъ истину этихъ сравненій. Но не менѣе совершенна аналогія между вторымъ вѣкомъ и нынѣшнимъ. Такъ, мы не имѣемъ уже храмовъ, подобно патріархамъ, но имѣемъ церкви; мы не возносимъ и не уважаемъ людей за ихъ старость, но мы чтимъ учрежденія и уставы за древность ихъ происхожденія; у насъ нѣтъ религіозныхъ войнъ и междоусобій, но есть клерикальныя распри; нѣтъ болѣе періодическихъ праздниковъ пасхи, но мы имѣемъ евхаристію; мы не имѣемъ духовныхъ ограниченій, но мы имѣемъ привилегію жить и двигаться внутри окружности какого нибудь исповѣданія.

По истинѣ, явленія религіозной превратности никогда не выдавались съ такой отчетливостью, какъ въ наши дни; но что онѣ въ большей или меньшей мѣрѣ существовали во всѣхъ прошедшихъ столѣтіяхъ, это ясно и неоспоримо. Не смотря на то, что эти ритуалы, обряды и понынѣ въ употребленіи состоящія предписанія не имѣютъ никакого вліянія на преобразованіе и увеличеніе счастія человѣка, мудрость все-таки предписываетъ ихъ дальнѣйшее соблюденіе, какъ предохранительное средство противъ еще большаго несчастія—религіозной анархіи. Истина этого замѣчанія покажется всѣмъ здраво разсуждающимъ родителямъ вполнѣ очевидной. Хорошо извѣстно, что дѣти, привыкшія играть съ извѣстнаго рода предметами, сильно кричатъ и плачутъ, если они бываютъ у нихъ внезапно отобраны. По сему разсудительный отецъ, во избѣжаніе гвалта, который неминуемо произошелъ бы отъ отнятія этихъ вещей, станетъ ласково убѣждать своихъ дѣтей, чтобы они сами оставили ихъ, и постарается отвести ихъ вниманіе на предметы, которые сподручнѣе для игрушекъ. Не взирая на то, что многіе имѣютъ репутацію учености въ наукѣ, метафизикѣ и теологіи, нельзя утаить того обстоятельства, что они походятъ на дѣтей въ первоначальной школѣ природы, и что они поэтому всегда ищутъ чудесныхъ исторій и сверхъестественныхъ приключеній и приходятъ въ чрезвычайный восторгъ отъ нихъ. Сверхъ того праотцы оставили послѣ себя, какъ необходимыя добавленія и члены своей религіозной организаціи, множество предписаній при дѣтскомъ выполненіи и почитаніи которыхъ только дѣти одни могутъ быть утѣшены и успокоены. Убѣдительныя предостереженія мудрости будутъ поэтому всегда поучительны, но никогда не станутъ онѣ принуждать къ признанію мѣры, которая имѣла бы малѣйшее намѣреніе оскорбить какихъ нибудь сбившихся съ пути почитателей бога; потому что, когда духъ послѣднихъ дойдетъ «до полной зрѣлости возмужалаго человѣка», тогда они сами добровольно разстанутся съ ихъ настоящими обрядами и «снимутъ съ себя навсегда дѣтскія привычки».

Теперь позволимъ себѣ спросить: какое первое правильное развитіе истинной религіи?

Отвѣтъ коротокъ. Живя въ матерьяльномъ тѣлѣ, которое совершенно до приспособленія послѣдняго атома, духъ ощущаетъ глубоко напечатлѣнное въ немъ сознаніе симетрическихъ отношеній,—чувство собственной гармоніи. Это самое высшее, совершенное и прекрасное изъ всѣхъ рудиментальныхъ ощущеній сопровождаетъ видимое обнаруженіе природныхъ законовъ жизни и простое и ясное разумѣніе того, что составляетъ правильную дѣятельность. Какъ слѣдуетъ жить, чтобы обезпечить общій порядокъ и гармонію своего собственнаго пребыванія, таково первое естественное разсужденіе человѣка.

Сохраненіе внутренняго здоровья, чтобы можно было наслаждаться внѣшними благами, которыя доставляются неисчерпаемыми запасами и сокровищами природы, есть постоянное и центральное изученіе каждаго въ надлежащемъ равновѣсіи находящагося духа. Нѣжнѣйшее попеченіе о личномъ благополучіи, простѣйшій способъ его достиженія, натуральныя привилегіи, на которыя тѣло и духъ всегда имѣютъ право, суть интересные предметы разбора и требованія, и должное вниманіе къ нимъ предписывается внутреннимъ чувствомъ отвѣтственности передъ самимъ собой (самоотвѣтственности).

Исканіе гармоніи предметовъ, формъ и красокъ, какъ они представляются въ далеко и широко распространенныхъ областяхъ природы, чтобы дать соразмѣрное удовлетвореніе глазу; открытіе мелодическихъ тоновъ, льстящихъ уху; воздѣлываніе науки земледѣлія, устройство различныхъ сочетаній изъ нитательныхъ средствъ, для доставленія гармоническихъ очущеній вкусу, отыскиваніе лѣсныхъ цвѣтовъ, благоухающихъ фіалокъ, для угожденія обонянію; полнѣйшая простота и естественность образа жизни, въ которомъ нѣтъ ничего, чтобы могло разстроить гармонію личнаго существованія, но на оборотъ есть все, чтобы ее увеличить, вотъ обряды и священныя обязанности, которыя на человѣка наложены, выростаютъ изъ истинной религіи и неразрывно соединены съ нею.

Глубоко внутри духа покоится сладостное представленіе о Великомъ Отцѣ Духовъ. Его внутреннее сіяніе освѣжаетъ духъ, придаетъ каждой его мысли небесную красоту и вдох-

новляетъ его безсмертными воспареніями. Неученый, духъ не издаетъ никакого гласа, но дышетъ пламенной молитвой благодарности и религіознаго благоговѣнія съ помощью праведной жизни. И текстъ, вытекающій изъ истиннаго внутренняго ощущенія есть прежде всего: «познай самого себя» и увѣщаніе въ личномъ правосудіи или коренное правило, что «любовь начинается съ самого себя», есть согласная съ закономъ проповѣдь. Духъ въ своемъ мощномъ развитіи убѣжденъ внутренно, что обязанность, въ которой онъ повиненъ Творцу, выполняется посредствомъ религіознаго созерцанія, благочестиваго соблюденія природныхъ правилъ жизни и правильнаго пользованія каждымъ индивидуальнымъ дарованіемъ. Отсюда первая ступень развитія врожденнаго религіознаго элемента есть правосудіе къ себѣ.

Позволимъ себѣ спросить: въ чемъ заключается второе подлинное развитіе истинной религіи?

Въ то время какъ духъ хорошо постигаетъ матеріальную и духовную родственность и единство самого себя, онъ признаетъ также наглядно гармоническое сродство, которое бы должно состоять между всѣми людьми, а также и священныя узы, которыя должны бы были неразрывно связывать цѣлое и способствовать образованію одного братства. Чтобы дружество могло быть между всѣми, и чтобы каждый могъ жить сообразно съ интересами цѣлаго, это есть постоянное желаніе и цѣль величайшей изо всѣхъ внутреннихъ склонностей. Тщательнѣйшее вниманіе къ общимъ требованіямъ и интересамъ, созданіе способовъ, чтобы учредить взаимность дружескихъ услугъ, обезпеченіе естественныхъ правъ, дарованныхъ каждому человѣку его Творцомъ и универсальное счастіе человѣчества, вотъ стремленіе, осуществленія котораго ищетъ всякій, кто бываетъ побуждаемъ развитымъ чувствомъ внутренней истинной религіи.

Изученіе гармоніи темпераментовъ и родственностей индивидуальныхъ сферъ, для удовлетворенія святого чувства супружеской привязанности, обезпеченіе домашняго крова и обстановки естественными и возвышенными отрадами, чтобы облагородить родительскую расположенность и ею наслаждаться; изобрѣтеніе производительныхъ машинъ,

улучшеніе и способствованіе интересамъ наукъ и полезныхъ искусствъ, чтобы удовлетворить братскимъ наклонностямъ; употребленіе почтительныхъ выраженій по отношенію къ отживающимъ и старѣющимся поколѣніямъ, обхожденіе съ ними съ тѣмъ постоянно нѣжнымъ вниманіемъ и обходительностью, которыя внушаются чувствомъ дѣтской привязанности, освященіе безсмертныхъ источниковъ жизни человѣческой души чувствомъ доброжелательства и опредѣленіе силъ таковой съ помощью истины, такъ чтобы могъ быть сооруженъ мелодическій инструментъ, составленный изъ индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ, для приведенія въ единогласіе и прекрасную гармонію человѣческихъ дѣлъ, чтобы удовлетворить всеобщую благорасположенность; въ этомъ состоитъ истинное крещеніе, купель, истинныя таинства и спасительныя и цѣлебныя предписанія внутренней религіи.

И тутъ возрастаютъ представленіе о Богѣ и довѣріе къ его вѣчнымъ твердоустановленнымъ законамъ и его универсальному провидѣнію и строютъ башню надъ религіозными гармоніями земного творенія; оно высоко и величественно. Поэтому отсюда ясно слѣдуетъ, что текстъ, который соотвѣтствуетъ этой степени религіознаго развитія, гласитъ: «люби своего ближняго» и сама собой изъ него вытекающая проповѣдь есть: «дѣлай другимъ какъ бы ты пожелалъ, чтобы другіе тебѣ дѣлали». Отсюда второй возрастъ есть братское правосудіе.

Если спросятъ: въ чемъ ТРЕТЬЕ и высшее развитіе истинной религіи?

То я на это отвѣчу, что послѣ уразумѣнія законовъ природы и измѣненія ихъ дѣйствій въ личныхъ и общественныхъ существованіяхъ духъ склоняется признать принципы правосудія и стремится къ его примѣненію. Соціальныя отношенія людей изслѣдуются, классифицируются и гармонизируются. Будучи побужденъ справедливостью, каждый человѣкъ изучаетъ самого себя, свои физическія и духовныя дарованія, свои удобства и свои относительныя расположенности къ отдаленному сосѣду, и добровольное, свободное единство выходитъ результатомъ.

Врожденныя наклонности человѣка, разсматриваемыя какъ

безсмертныя импульсы къ благой дѣятельности и преходящему прилежанію, получаютъ въ удѣлъ соразмѣрное, чистое удовлетвореніе. Религія, обнявшая собою всѣ вещи, разольется по всѣмъ развѣтвленіямъ человѣческой жизни и промышленности; для интересовъ торговли, согласованныхъ съ земледѣльческими лабораторіями каждаго города и государства, будутъ воздвигнуты обширные запасные магазины, которые наполнятся съѣстными припасами для всеобщаго потребленія. Привилегія владѣнія землей и собственнымъ очагомъ будетъ признана и обезпечена за каждымъ обитателемъ земли.

Истинная религія требуетъ развитія и ея истиннаго подобія. Домашній кровъ и надлежащій кусокъ земли будутъ обезпечены каждому индивидууму, сообразно съ его дѣйствительными нуждами и способностями улучшить ихъ. И хорошо устроенныя зданія для удобства всѣхъ будутъ церквями, монастырями и вообще излюбленными сооруженіями истинной, но пока еще мало извѣстной или нелюбимой религіи. По истинѣ перенесеніе той изысканной гармоніи, которая обнаруживается въ общемъ строеніи тѣла и духа на все общество, есть высочайшее возможное откровеніе религіознаго чувства.

На этой ступени понятіе о Богѣ стало великой и великолѣпной идеей. Эта идея въ томъ, что Богъ со всѣмъ его матеріальнымъ, универсальнымъ тѣломъ есть громадная, исполненная славы, величественная, благая и любвеобильная личность,—и что всѣ люди, духи и ангелы суть его дорогіе, любимые и вѣчно впередъ идущія дѣти.

Это представленіе сопровождаетъ познанія, что родственность и соотвѣтствіе находятся между всѣми мірами, формами и существами въ бытіи. Что Господь-Богъ всемогущій управляетъ, есть твердое, но постоянно ростущее убѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, истинное утвержденіе, что Богъ есть настоящій человѣкъ, содержитъ въ себѣ «все во всемъ» и цвѣтетъ подобно безсмертному цвѣтку въ небесномъ саду набожнаго духа. Третій возрастъ религіознаго чувства есть поэтому универсальное правосудіе.

Здѣсь представляется несоизмѣримый контрастъ: извращенность врожденнаго религіознаго элемента съ одной сто-

роны и его правильное развитіе, съ другой. Одно есть суевѣріе, фанатизмъ и скептицизмъ; другое,—правосудіе къ себѣ (самоотвѣтственность) братское правосудіе и универсальное правосудіе. Они рознятся какъ небо отъ земли. Однако могутъ спросить:

Какъ можемъ мы различать между превратнымъ и правильнымъ развитіемъ религіознаго элемента?

Разумный путникъ, какъ я полагаю, замѣтитъ, что разница между превратнымъ и подлиннымъ развитіемъ религіознаго чувства состоитъ въ томъ, что одно — широкій и популярный путь, который ведетъ къ разрушенію гармоніи и опустошенію духа; а другое—узкая и прекрасная тропинка, которая ведетъ ко всякому настоящему и будущему счастью. Эта религія возникла въ груди божественнаго духа, она была вложена имъ въ человѣческую душу и будетъ жить въ ней вѣчно. Она есть духъ — хранитель каждаго; она—неугасимый внутренній свѣтъ; она, подобно всякому другому духовному чувству,—ангелъ, который поучаетъ насъ исполнять нашъ долгъ къ тѣлу и духу, родителямъ и родственникамъ, къ универзуму и отцу всѣхъ. Она живетъ и будетъ величественно жить, независимо отъ церквей, книгъ и вѣроисповѣданій. Она причинила въ ея превратномъ и ложномъ дѣйствіи все, на что мы жалуемся и о чемъ мы крайне скорбимъ, и она причинила и будетъ причинять въ своемъ надлежащемъ развитіи все, что мы очень любимъ и уважаемъ.

Спрашивать во что кто вѣритъ, чтобы мы могли узнать, можемъ ли мы къ нему имѣть довѣріе — неблагоразумно. Религіозный человѣкъ, стоящій ближе всего къ царствію небесному, тотъ, который живетъ въ согласіи съ самимъ собой, въ гармоніи съ ближнимъ и разсматриваетъ правосудіе, какъ своего сожителя.

Самое простое представленіе отвѣтственности передъ собой, возростетъ въ сложное и обниметъ цѣлое братство человѣческаго творенія; и духъ, признавая всеобщее родство, распространится на всѣ сферы, какъ преданный ученикъ добра и истины. Чтобы воспитать истинную религію, мы должны быть свободны, совершенно свободны отъ всякаго предразсудка и обстоятельства, которое могло бы ея перво-

начальное выполненіе связывать и затруднять. Не должно быть дозволено, чтобы что нибудь могло извратить или препятствовать ея стремительному влеченію.

И такъ прежде: «узнай самого себя», второе «люби твоего ближняго»; третье: «будь добръ, будь справедливъ, будь непороченъ, люби Бога и будь счастливъ». Я знаю, что это есть истинная, однако до сихъ поръ еще не понятая или не любимая религія.

По отношенію къ истинѣ и тайнѣ, равно какъ къ необходимости подлиннаго духовнаго общенія Джемсъ Вилькензенъ въ своей недавно вышедшей біографіи шведскаго духовидца и философа Сведенборга, говоритъ слѣдующее:

Мы изучаемъ духовный міръ, потому что одинъ изъ насъ былъ тамъ и далъ намъ объ немъ описаніе, и мы изучаемъ природный міръ, потому что онъ намъ данъ, а наши чувства ему даны; короче: потому что не мы его создали, а что онъ есть божественная дѣйствительность. Что мы сами создали, того мы не изучаемъ и это есть достаточное разрушеніе субъективнаго познанія. Такъ исчезаетъ тьма изъ сферъ. Тайна—мать гнусностей и мерзостей на землѣ, развертывается изъ теологіи, философіи и науки; но скоро единственно возвышеннымъ будетъ только практическое, будетъ все во всемъ; такъ какъ время не заставитъ себя долго ждать больше, когда, вліянія ежедневной жизни, послѣ того какъ духъ познакомился съ опытомъ и наблюденіемъ, не только внушать станутъ каждую теорію, постановленную о какомъ либо предметѣ, но и таковую будутъ утверждать или отклонять.

Почти во всѣхъ столѣтіяхъ можно встрѣтить удостовѣрительныя подтвержденія въ существованіи сообщенія съ духовнымъ міромъ; человѣкъ вѣритъ въ него со страхомъ и надеждой, даже если бы воспитаніе его говорило противъ таковаго; почти каждое семейство имѣетъ свои преданія; и ничто больше, какъ недостатокъ смѣлости обнародовать ихъ препятствуетъ супранатурализму образовать свою собственную библіотеку. Чего больше! всякій скорбящій спѣшитъ съ неудержимой любовью къ свѣже вырытой могилѣ, къ своимъ почившимъ друзьямъ и говоритъ объ нихъ, между тѣмъ какъ духъ печали гнететъ его, какъ о лицахъ дѣйствитель-

наго, представимаго вещества. Въ такія горькія минуты, похоронныя услуги ничто иное какъ задній фонъ, на которомъ сердце раскрываетъ свое врожденное небо. Это есть чувство, присущее всему человѣчеству.

И наука тоже заражена этими вульгарными воззрѣніями; она не можетъ отбросить ихъ. Тѣмъ не менѣе она не можетъ также и признать ихъ. Чего бы она ни дала, чтобы освободиться отъ месмеризма или еще болѣе отъ магіи и астрологіи, о которыхъ она никогда не знала, какъ бы ей искоренить ихъ слѣдовало. Эта надежда нынѣ напрасна. Эти сферы познанія врѣзались въ ея плоть и должны или сдѣлаться науками, или наука должна пропасть отъ нихъ. Положительная школа есть именно то, что менѣе всего способно противустоять вторженіямъ супранатурализма. Много матеріалистовъ уже предъ нимъ пали и, какъ и слѣдовало ожидать, погрузились въ особенно безразсудное суевѣріе. Ничто не можетъ спасти ихъ, кромѣ вниманія къ духовнымъ наблюденіямъ. Къ тому же слѣдуетъ не упускать изъ виду, что ученые, съ ихъ глубокими стремленіями и твердыми цѣлями передъ очами, шествуютъ путемъ ясновидѣнія своимъ собственнымъ тѣлеснымъ существомъ; такъ какъ наука сама по себѣ есть предписывающій ясновидецъ будущаго.

«Преданья темной старины
Значенья вѣщаго полны».

А равно, если мы обратимся къ искусствамъ, электрическіе телеграфы способствуютъ духовному сближенію между отдаленными мѣстами. Лондонъ и Эдинбургъ сообщаются посредствомъ безпространственнаго разговора. Другой медіумъ (способъ), который еще жарче раскаленъ мірскими родственностями, свяжетъ концы земли между собою. Погрузитесь лишь въ воздушныя копи общественности и Англія съ Индіей станутъ перманентными, (постоянными) натуральными проявленіями одна другой. Отраженіе воздуха есть вѣрный почтовый признакъ этого совершенства. Разстояніе гибнетъ и будетъ выражаться только на вершинахъ человѣческаго познанія. Магнетизмъ со своими мгновенными круговыми путешествіями уже совсѣмъ осмѣиваетъ его. Камни, даже и тѣ сообщаются другъ съ другомъ съ помощью

его духовнаго посредничества, и неужели люди, которые соединены болѣе благороднымъ магнетизмомъ, должны получать упреки отъ прочихъ содружествъ земли?»

Въ заключеніе я чувствую себя впечатлѣннымъ замѣтить, что эра мифологіи и суевѣрія находится въ быстромъ исчезновеніи. Невѣдѣніе, лицемѣріе, скептицизмъ, фанатизмъ, нетерпимость, подавленіе духа и всякое раболѣпіе—большія несчастія, которыя окружаютъ человѣчество по сіе время еще, начинаютъ быстро разсѣяваться; онѣ совсѣмъ исчезнутъ съ лица земли, чтобы никогда болѣе не вводить человѣчество въ неволю и его не унижать. Этотъ міръ мысли и чувствъ, равно какъ и соціальныхъ отношеній, будетъ постепенно очищаться, пока не развернется новое небо и новая земля, въ которыхъ обитаетъ правосудіе. И бѣдствія, существующія нынѣ, будутъ только для тѣхъ извѣстны, которые слѣдятъ за исторіей нашего рода, что они дѣлать будутъ со смѣшаннымъ чувствомъ сочувствія и сожалѣнія. Посредствомъ духовнаго сношенія мы узнаемъ, что всѣ люди, напослѣдокъ, соединятся въ одно товарищество (братство). Ихъ интересы будутъ чисты и обоюдны; ихъ дѣла будутъ праведны и гармоничны; они будутъ какъ одна плоть, одушевленная общей любовью и управляемая непорочной мудростью. Будущность человѣка сіяетъ лучами прекраснаго блеска. Духовное небо становится быстро яснымъ и свѣтлымъ и зрѣлище полно славы и величія. Истина поглотитъ всякое заблужденіе и всякую искусственную теологію, которой сила ослабѣла и вредныя послѣдствія которой будутъ обнаружены божественнымъ свѣтомъ явленій природы.

Да, всякое зло и каждое заблужденіе будетъ наконецъ покорено и выброшено съ помощью тріумфа принциповъ, которые хороши и божественно неизмѣнны, и несправедливости не будетъ существовать больше! Токи благаго и здраваго вдохновенія потекутъ и польются внизъ, чтобы очистить и освѣжить нравственный міръ, на поспѣшно растущихъ волнахъ прилива котораго все человѣчество будетъ подниматься къ интеллектуальной и соціальной гармоніи и къ высокому состоянію духовнаго вознесенія и духовнаго общенія.

